

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskaya@ludmila.ru/> приятного чтения!

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая

пьеса в двух действиях
Автор представляет действующих лиц:

ЭСФИРЬ ЛЬВОВНА, под семьдесят, портниха.

«Жестоковыйный народ» – сказано про ее породу. Темперамент полководца, вдохновение, артистизм. Убеждена, что ей дано нечто, в чем отказано всем остальным. Самопожертвованию ее нет границ. Деспотизму – тоже. Автора при столкновении с нею не раз душили порывы с трудом сдерживаемой ярости. И восхищения – тоже. Она – последняя местечковая еврейка.

ЕЛИЗАВЕТА ЯКОВЛЕВНА, под семьдесят.

Двоюродная сестра Эсфири Львовны. Бездетная акушерка. Кто не понимает – объясню: это умирающий от жажды разносчик воды. Жертва ее отвергнута. Когда такой человек обижен и оскорблен, он становится каином. Когда смирен и тих – Елизаветой Яковлевной.

СОНЕЧКА, восемнадцать.

Огромные светлые глаза овцы. Овца. Овечка. Идет, куда ведут. Послушна и кротка. Между добром и злом едва ли различает. Обижать таких стыдно и скучно. Она – сосуд. Личности в ней почти нет.

ВИТЯ, восемнадцать.

Проходит действительную службу в рядах Советской Армии. Аккуратен, исполнитель. Член комитета ВЛКСМ, выполняет отдельные поручения. Имеет спортивные разряды по лыжам и стрелковому спорту. Проявил себя как хороший товарищ и принципиальный человек. Политически грамотен, морально устойчив.

Действие первое

Картина первая

На кухне у Эсфири Львовны. Она хлопает дверцей холодильника, достает баночки, перекладывает еду, что-то протирает, подставляет Елизавете Яковлевне всё новые и новые угощения.

ЭСФИРЬ. Кушай, Лиза, кушай! Ты кушай, а я буду рассказывать. Я люблю, чтобы было красиво! Ты спросишь, откуда у меня это? Не знаю. Люблю. Чтоб было много тарелок, и салфетки, и все как надо. Кушай, Лиза, кушай. Возьми салат. Я тебе расскажу нечто! Ты удивисься! (Пауза.) Я была в Бобруйске!

Елизавета Яковлевна замирает в изумлении, подняв вилку в воздух.

Да, представь себе, я была в Бобруйске!

ЕЛИЗАВЕТА. Да что ты говоришь, фира?

ЭСФИРЬ. Да, представь себе! Я была в Бобруйске!

ЕЛИЗАВЕТА. Я бы никогда не решилась... нет!

ЭСФИРЬ. Начнем с того, что это совсем другой город. Совсем другой. В нем ничего, ничего не осталось. Другие дома, другие люди. Все совсем другое. Правда, потом я поехала в Гулёвку. А вот там совсем другое дело, там остался костел, и дом дяди Якова. Помнишь, аптека была сбоку пристроена? Это сохранилось. В доме какая-то контора. И река течет, как раньше. Что ей сделается? Только мост новый. Еврейское кладбище разрушено. Помнишь, какие были красивые памятники – ничего не осталось. Эти гады, эти сволочи всё порушили. Над рекой, где была дача Лиховецкого, там теперь дом отдыха. Там я нашла кусок от большого каменного мраморного надгробья. «Год пять тысяч пятьсот сорок третий. Шаул Винавер» – это сохранилось, а от имени только одна буква «шин». Значит, конца восемнадцатого века могила, наших Винаверов предок. На этом надгробье две девочки сидели, кукол

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru переодевали. Ну, думаю, и пусть сидят. Лавочек-то нет.

ЕЛИЗАВЕТА. Только ты на это способна, только ты! Я бы ни за что в Бобруйск не поехала!

ЭСФИРЬ. А тебе зачем? У меня дело было. Да, дело, не смотри на меня так. Кушай, кушай, что ты так просто сидишь? Ну что же ты не спрашиваешь, какое дело?

ЕЛИЗАВЕТА. Я думаю, ты мне сама расскажешь.

ЭСФИРЬ. Так вот, я приехала в Бобруйск. Огромный вокзал, просто огромный, ты себе представить не можешь. И, между прочим, город тоже стал очень большой, раз в десять, наверное, больше, чем до войны. А посреди вокзала – ларек, книжный там, я знаю? Я хочу взять открытки. И кто в ларьке? Лиза, кто в ларьке? Маруся Пузакова! Ты думаешь, я ее узнала? Ничего подобного! Я даю ей рубль, хочу взять открытки, и вдруг она кричит на весь вокзал: «Фира! Фира! Живая!» Тут уж я ее узнала, и мы заплакали, и закрыли ларек, и пошли к ней домой. Ты помнишь Марусю Пузакову?

Елизавета кивает.

У меня был двоюродный брат, Сёма, так этот Сёма...

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, что ты мне рассказываешь про Сёму? Мне-то Сёма был родным братом!

ЭСФИРЬ. Ну да, конечно, конечно. Так вот, этот Сёма...

Елизавета начинает тихо плакать, утирая глаза.

...У него с Марусей Пузаковой была любовь...

ЕЛИЗАВЕТА (тихо). ...Была такая любовь...

ЭСФИРЬ. И, ты помнишь, дедушка Натан не разрешил Сёме на ней жениться...

ЕЛИЗАВЕТА. Какая Маруся была красивая!

ЭСФИРЬ. Ну, не знаю, не знаю. Сейчас уж, конечно, от нее ничего не осталось. Как ты помнишь, Сёма ушел из дому. Мы с Вениамином как раз приехали в отпуск, а он как раз ушел из дома. И был такой скандал! Дедушка так кричал! А бабушка Роза плакала и посыпала себе голову пеплом! (Сквозь смех и слезы.) И на ней была розовая кофта, ты же помнишь, как она одевалась? Она посыпала голову пеплом и аккуратно стряхивала его с воротничка. Ой, какая она была артистка!

ЕЛИЗАВЕТА. Точно как ты!

ЭСФИРЬ. Что я! Был канун субботы, а дедушка Натан всё кричал. Мы пожили там две недели, оставили Илюшеньку и уехали. И больше уже никого никогда не видели. Это было двенадцатое июня.

ЕЛИЗАВЕТА. Да, через десять дней...

ЭСФИРЬ. Будь оно проклято, это двадцать второе июня!

ЕЛИЗАВЕТА. А Сёма погиб на фронте. Расписался с Марусей, и они поехали в Одессу, и оттуда он ушел на фронт. И все погибли, все. И Винаверы, и Брауде, и Ехелевичи. Никого не осталось. Только мы с тобой, Фира. А что мы?

ЭСФИРЬ. Ты забываешь, Лиза! У нас есть Лёва! У меня есть сын Лёва. И это самое главное! Так вот, слушай меня, Лиза! Все погибли. Все наши погибли – но мы-то с тобой остались! И я решила проверить, – а может, погибли не все? Ты же помнишь, наши две улицы всегда женились между собой: Ехелевичи на Литваках, Винаверы на Брауде. И я решила: пусть Лёва женится на девушке из этих фамилий! Да!

Звучит еврейская свадебная музыка.

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, ты сошла с ума!

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

ЭСФИРЬ. Почему я сошла с ума?

ЕЛИЗАВЕТА. Лева женится на ком захочет. Как это можно ему указывать в таком вопросе? В наше время?

ЭСФИРЬ. А что, уже настало время, когда можно не слушаться родителей?

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, тебя не переговоришь!

ЭСФИРЬ. Так вот – мой сын пока что еще меня слушает. И он женится, как я ему скажу.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну ладно, ладно. Ты нашла ему невесту?

ЭСФИРЬ (торжественно). Да, я нашла ему невесту в городе Бобруйске! Еврейскую девушку из семьи Винаверов! И когда я на берегу увидела это надгробье, я сразу поняла, что это знак! Что в городе есть девушка из семьи Винаверов!

ЕЛИЗАВЕТА. Да что ты говоришь!

ЭСФИРЬ. И какая девушка! Какая девушка! (Машет руками, как будто мух гоняет, сквозь слезы.) Лиза, она настоящий ангел. Нет, не ангел. Она Рахиль, вот кто она. Маленькая, светленькая, и такие глаза, как будто сам Бог смотрит, вот что я тебе скажу. Дочь Симы Винавер.

ЕЛИЗАВЕТА. Сима – это кто?

ЭСФИРЬ. Дочь Гирша-портного. Ее спасли.

ЕЛИЗАВЕТА. А, помню Гирша, рыжий, худой, на углу они жили.

ЭСФИРЬ. Симу укрыла соседка, Коноплянникова Клавдия Федоровна. Праведница. Настоящая праведница. Ей воздастся. Не помнишь? Они когда-то были богатыми. Извоз у них был, ну, потом, конечно, уже ничего не было. Ты представляешь, Клавдия Федоровна до сих пор жива. А Сима умерла полгода назад от рака.

ЕЛИЗАВЕТА. Боже мой! Пол-улицы было Винаверов, и чтоб осталась одна Сима!

ЭСФИРЬ. Ты что, оглохла? Я же тебе говорю, Сима тоже умерла. Но сначала она родила дочку! Она родила жену для лёвы, вот что она сделала! (Пауза.) Конечно, она рано умерла, ей было всего пятьдесят лет. Жила одна, с дочкой, без мужа.

Музыку преподавала и, видно, туго ей приходилось. Я навела справки и пришла сначала к Коноплянниковой Клавдии Федоровне. Ей лет девяносто, она почти ничего не видит. Дай ей БОГ здоровья! Потом пошла к Сонечке. И вот Сонечка сама открывает мне дверь!

ЕЛИЗАВЕТА. Ты ее привезла?

ЭСФИРЬ. Нет, Лиза. Ты же знаешь, все Винаверы очень порядочные люди. Сонечка работает воспитательницей в детском садике, и она не может уехать, пока не найдут замену. Я, конечно, ей сказала, чтобы она взяла отпуск, но отпуск она пока брать не может, она там только пять месяцев работает. Но она сказала, что придет, как только найдется ей замена.

ЕЛИЗАВЕТА. И что же, она сразу согласилась выйти за лёву?

ЭСФИРЬ. Ты что, Лиза, совсем сумасшедшая? Мишугене, ей-Богу! Кто же ей это предлагал? Она придет, увидит его, и зачем это я буду забегать вперед?

ЕЛИЗАВЕТА. А вдруг он ей не понравится?

ЭСФИРЬ. Кто? лёва? Как это он может не понравиться? Он такой остроумный, и красивый, и кандидат физико-математических наук, и на пианино играет. Ну, что ей еще нужно, я тебя спрашиваю?

ЕЛИЗАВЕТА. Вообще, конечно, да. Наш лёва действительно...

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

ЭСФИРЬ. А я что говорю? И честно тебе скажу, я уже почти забыла, как делается старинная русская гладь и атласное шитье... Я одену ее как куколку – и с каким удовольствием!

Картина втора

В квартире Елизаветы Яковлевны. Перед накрытым столом сидит Эсфирь Львовна. Она сияет седой стриженной головой. Одета с отменным вкусом. Торжественна.

ЭСФИРЬ. Ну что ты так сидишь, как лимон проглотила?

ЕЛИЗАВЕТА. Ай, не хочу тебе говорить...

ЭСФИРЬ. Не хочешь, не говори. Очень мне нужно знать, в каком месте у твоей Анастасии болит.

ЕЛИЗАВЕТА. Нет, фира. Здесь Анастасия Николаевна ни при чем.

ЭСФИРЬ. Ну, значит, в роддоме у тебя что-то приключилось... Что там у тебя?

ЕЛИЗАВЕТА. Вчера ребенка потеряли. Из-за этих проклятых протезов.

ЭСФИРЬ. Что ты мелешь? Из-за каких протезов?

ЕЛИЗАВЕТА. Я делаю новые зубы. И вчера у меня была примерка, утром. Мне пришлось поменяться с Федоровой, и я вышла в другую смену.

А моя теперешняя смена – это ужас! Валечка Рыжова в отпуске, а эти молодые не умеют работать. И не хотят! Я как чувствовала – что-нибудь у них случится! Они потеряли ребенка!

ЭСФИРЬ. Что ты так убиваешься, Лиза? И раньше рождались мертвые дети, и довольно-таки часто, это теперь стало редко, а раньше сплошь и рядом...

ЕЛИЗАВЕТА. Этот ребенок был хороший здоровый мальчик. Они не справились с пуповиной, было двойное обвитие. Такая красивая женщина, татарка или туркменка, молодая. Первые роды. Первенца потеряла.

ЭСФИРЬ. Молодая, еще родит.

ЕЛИЗАВЕТА. Этого ребенка больше никто не родит.

ЭСФИРЬ. А ты что там, одна работаешь, что ли? А куда смотрят ваши врачи? Кроме тебя некому принять?

ЕЛИЗАВЕТА. Я же тебе говорю – плохая смена. Совсем молодые девочки, не понимают, что такое акушерка. Акушерка должна сама каждый раз родить вместе с роженицей. А это трудно. Когда принимаешь роды, чтобы женщина не порвалась, чтобы ребенок не измучился, ты всё время держишь их в руках. У меня же руки как у хорошего мужика. (Поднимает руки.) Это тяжелая работа, фира.

ЭСФИРЬ. Что ты хвалишься? Где ты видела легкую работу? Может, ты думаешь, у меня легкая работа?

ЕЛИЗАВЕТА. Что ты, что ты, фирочка! Я очень хорошо знаю, что за каторга это портняжное дело! То, что можешь ты, этого никто не может!

ЭСФИРЬ. Конечно! Мне тоже иногда кажется, что я таки кое-что могу! Ты помнишь, Лиза, когда приехала Сонечка?

ЕЛИЗАВЕТА. Кажется, недели две тому назад?

ЭСФИРЬ. Вот именно, ровно две недели тому назад! И вот пожалуйста, она две недели как приехала, а он вчера ей сделал предложение. И сегодня они пошли подавать эту заявку... заявление... да! Она в него сразу влюбилась, с первого взгляда! А помнишь, что ты говорила?

ЕЛИЗАВЕТА. Ну что, фира, я могу сказать? Не зря же дедушка Натан звал тебя «царь»

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Соломон в юбке!» Я просто поражена! Анастасия Николаевна, между прочим, тоже очень высоко тебя ценит Она так и говорит: «Лизочка, ваша Фира – это не человек, это явление!»

ЭСФИРЬ. явление?

ЕЛИЗАВЕТА. Да, да. Не человек, а явление! Но ты скажи про Лёву. Как он?

ЭСФИРЬ. А как он? Он таких девочек в жизни не видел! Я же знаю его контингент! Это что-то особенное!

ЕЛИЗАВЕТА. Но ты говорила, что эта его последняя была интересная.

ЭСФИРЬ. Ну и что? Лёве тридцать четыре года. Она говорила, что ей тридцать пять, а на деле ей сорок. И пусть она выглядит хоть на двадцать пять, но когда женщине под пятьдесят, ей уже нечего делать с молодыми людьми.

ЕЛИЗАВЕТА. Бог с ней! Расскажи, как он вдруг ни с того ни с сего сделал Сонечке предложение?

ЭСФИРЬ. Очень просто. Я привезла ее с вокзала, заранее Леву не предупредила. Он пришел вечером, я ей говорю: «Сонечка, пойдй, открой дверь». Она ему открыла. Потом мы поужинали. Я приготовила фаршированную рыбу и бульон с кнейдлах. Потом мы посмотрели телевизор, и я отправила ее спать. А ему я сказала: «Ты понял, Лёва, кто это?» Он таки не дурак, он понял сразу и говорит мне: «Я должен подумать!» А я ему так спокойно: «Конечно, думай, от этого еще никто не умирал. У тебя что, много было таких девочек? Золото, а не девочка! А характер! Уж в чем, в чем, а в характерах я понимаю! И, между прочим, тоже на пианино играет! Сима ее обучила. Винаверы – очень музыкальная семья». Он мне говорит: «Мама, она очень молоденькая!» – «И тебе это плохо? Тебе надо обязательно старуху, и чтобы она считала уравнения!»

Больше он мне ничего не сказал. Молчит. И я молчу. Ты же знаешь, я не только говорить – молчать я тоже умею. Покойный Вениамин всегда говорил: «Пока Фира говорит, это еще полбеда, вот когда она молчит – это беда!»

ЕЛИЗАВЕТА. Это я помню. А Лёва? Что Лёва?

ЭСФИРЬ. Мне он молчал. Ходил с Сонечкой два раза в театр, я хорошие билеты два раза купила, ходили в кино. Он повел ее на концерт, между прочим, сам билеты купил, по собственной инициативе. Вчера я ему говорю: «Лёвочка, завтра вторник. Ты уже должен сделать девочке предложение, а то она будет думать Бог знает что».

ЕЛИЗАВЕТА. И что?

ЭСФИРЬ (смотрит на часы). Они пошли подавать. Я не понимаю, почему так долго. Или там тоже очереди? А после заявки они придут сюда.

ЕЛИЗАВЕТА. Как – ко мне? Почему же ты меня не предупредила?

ЭСФИРЬ. А что, у тебя не найдется в доме чашки чая?

Звонок в дверь. Входит Сонечка. Она одна. Эсфирь Львовна ее целует.

СОНЕЧКА. Здравствуйте!

ЭСФИРЬ. Ну, подали?

Сонечка кивает.

В добрый час!

ЕЛИЗАВЕТА. Поздравляю тебя, деточка!

ЭСФИРЬ. А где Лёва?

СОНЕЧКА. Он просил извинить, ему нужно было срочно в институт, какие-то документы оформлять, он оттуда позвонит вам.

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

ЭСФИРЬ. То есть как – он сюда не придет?

СОНЕЧКА. Нет, он сказал, что завтра улетает в командировку в Новосибирск и ему документы надо оформить.

ЭСФИРЬ. Что за новости! А я ничего не знаю!

СОНЕЧКА. А Лёва вчера и сам не знал. Ему сегодня сказали. Сазонов сказал.

ЭСФИРЬ. А-а... Сазонов! А на когда назначили?

СОНЕЧКА. На девятое января.

ЭСФИРЬ. Как, через два месяца? Так долго ждать?

СОНЕЧКА. Да.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну хорошо, садитесь за стол. Сколько можно разговаривать? (Снимает фартук.)

ЭСФИРЬ (смотрит на ее блузку). Боже! Кто тебе это пошил? Первый раз вижу, чтобы бейку делали по долевым! По косой, по косой ее делают!

ЕЛИЗАВЕТА (смеется). А мне всё равно, хоть по косой, хоть по кривой! Сонечка, попроси свою свекровь, чтобы она тебя никогда не учила шить. Она тебя замучает!

СОНЕЧКА. Да? А меня Эсфирь Львовна уже учит. Мне очень нравится.

ЭСФИРЬ. Не все же такие безрукие как ты, Лиза. У нас в Бобруйске, Сонечка, испокон веку все евреи были портные. Сплошь портные. И твой дедушка Гирш был портной. А наша бабушка Роза училась в Варшаве в женском ремесленном училище. Она была лучшая мастерица в городе. Она всё знала – золотшвейное дело и белотшвейное. А дедушка Натан – он был фрачник. Он ничего не умел – только фраки. Но какие фраки!

ЕЛИЗАВЕТА. Расскажи про медаль, Фира.

ЭСФИРЬ. Спасибо, а то бы я забыла! Так вот, дедушка Натан шил фраки, и его фрак на Всемирной выставке в Париже получил серебряную медаль. Понимаешь, фрак из Бобруйска получил в Париже серебряную медаль! Когда дедушке сообщили, он очень удивился: почему не золотую? А дальше дело было так: чтобы получить эту медаль, надо было прислать лекала – выкройки, значит, и расчеты! (Смеется.) Это анекдот! Дело в том, что дедушка никогда не имел выкроек. Больше того, он снимал мерку тремя веревочками. Он даже никогда ничего не записывал, делал на веревочке узелки, и этого ему было достаточно. И фраки его сидели так, что люди приезжали из Минска и даже из Вильно.

СОНЕЧКА. А медаль?

ЭСФИРЬ. Он ее не получил. Потому что не умел делать эти расчеты. А что толку? Я умею. Но фрак пошить никогда в жизни не возьмусь.

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, неужели ты не можешь пошить фрак? Ты же все можешь!

ЭСФИРЬ. Фрак не могу. Шляпки, скоряжное дело – это пожалуйста. Больше того, я даже могу шить обувь, мне приходилось. Когда имеешь хорошие колодки, это не такое уж сложное дело. Но фрак – нет!

ЕЛИЗАВЕТА. А меня в детстве учили, учили, и из меня совершенно ничего не вышло. Про меня бабушка Роза так и говорила: а эта будет строчить на машинке. Хуже ругательства у нее не было!

СОНЕЧКА. То есть как?

ЕЛИЗАВЕТА. Только на руках! Она никаких машинок не признавала. И она чудеса выделявала!

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Сейчас я покажу! (Лезет в шкаф, достает старую тряпку, разглаживает.) Вот, Сонечка, посмотри, это подкладка от мамино пальто. Бабушка Роза сшила это пальто, когда мама выходила замуж за папу. Мама была ее любимая невестка. Вот, она сшила пальто и вышила подкладку незабудками. У нее был вкус! (Расправляет ткань.) Она была настоящий художник! Всё выцвело. На таком бледно-оливковом фоне – незабудки с лепестками, это просто необыкновенно. Мама мне подарила это пальто в день моего шестнадцатилетия. Оно было совсем как новенькое. И, между прочим, Сонечка, Фира была единственная из всех внучек, кто унаследовал ее талант.

ЭСФИРЬ. Да, это так.

ЕЛИЗАВЕТА. И характер – тоже! (Смотрит на Эсфирь заговорщицки.) Если бабушке Розе что-нибудь втемяшится – из-под земли достанет!

Картина третья

Эсфирь Львовна и Сонечка идут домой. Эсфирь Львовна с палкой, Сонечка поддерживает Эсфирь Львовну под локоть.

ЭСФИРЬ. У дедушки Натана и бабушки Розы была одна дочь, моя мама, и шестеро сыновей: Арон, Исаак, Саул, Лейб... и как его звали... Рувим... и Яков. Следишь за моей мыслью?

Соня кивает.

Все вымерли, кроме моей мамы и Якова. Моя мама потом тоже умерла. От бабушки Розы дети получали красоту и туберкулез. У нас всегда умирали от туберкулеза. Якову бабушка нашла невесту. Она была вдова. Хоть и богатая, но совсем никудашная. (Шепотом.) Первым браком она была за купцом первой гильдии! Ничего не понимала в хозяйстве, в этом смысле Лиза вся в мать. Все свои деньги профукала. А что не профукала, то отобрали после революции. Но бабушка Роза все же была права, что выбрала Якову эту вдову. А та родила ему двойню. Правда, не сразу, лет через десять. Это были Лиза и Сема – он потом погиб на фронте. Следишь за моей мыслью?

СОНЕЧКА. Да, я только не поняла, тетя Лиза – по матери Брауде?

ЭСФИРЬ. Ты ничего не поняла. Я скажу Лёве, чтобы он тебе нарисовал нашу родословную.

СОНЕЧКА. Генеалогическое дерево, как у королей?

ЭСФИРЬ. А что ты улыбаешься? Разве ты не знаешь, что мы произошли по прямой линии от Адама?

СОНЕЧКА (изумленно). Кто? Брауде? Ехелевичи?

ЭСФИРЬ. Да. И винаверы тоже. Так что мы – самый древний человеческий род.

СОНЕЧКА. А как же короли? Ну, цари там?

ЭСФИРЬ. Какие цари? Какие короли? У них знаешь сколько всего намешано. А мы – по прямой линии. Избранный народ, доченька! А Лиза, моя двоюродная сестра, благороднейший человек. Красотой она никогда не отличалась, это я тебе скажу. Она, наша Лиза, очень порядочный человек, но немного ненормальная. Она была уже старая девушка, в годах, лет под тридцать, и связалась с одним типом. Так он ее бросил. Она так страдала, так страдала, даже в сумасшедший дом попала. Но дело не в этом. Он тоже попал в историю. Язык у него был – не приведи Бог. Он тоже наш дальний родственник, но не из Бобруйска, а из Бродов. Так когда он вышел, она его опять приняла, взяла к себе, прописала. Это уже было в Москве. А он через полгода к ней же в комнату привел другую. Такая наша Лиза дура, блаженная. И так до самой войны они жили в одной комнате. У той родился ребенок, так Лиза его так обожала, что представить нельзя. Пеленки стирала. А этот ее тип, он ту тоже бросил. А этот мальчик, Генечка, такой бандит вышел, что его в тюрьму посадили. Когда Лёва родился, ты думаешь, она на него переключила свое внимание? И не подумала! Для нее на первом плане всегда был этот бандит Генечка.

СОНЕЧКА. Он так и сидит?

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ЭСФИРЬ. Сначала он сидел один раз, потом он сидел второй раз, а теперь, я думаю, он уже сидит третий. Но это еще не конец.

СОНЕЧКА. Что не конец?

ЭСФИРЬ. Я говорю, это еще не конец. Потому что потом наша Лиза познакомилась с одной Анастасией Николаевной, в эвакуации, и они так подружились, что просто вцепились друг в дружку. И первое, что она сделала, когда вернулась из Ташкента, – поселила эту Анастасию Николаевну у себя. Правда, потом та всё же получила комнату, но, представь себе, Лиза к ней ездит до сих пор и таскает сумки, и варит обед, и все такое. А та сидит и французские романы читает. Видишь ли, она переводчица! Она переводит с греческого и латыни и, между нами, – это совершенно никому не нужно. Ну, скажи, кому это сегодня нужно – что-то с латыни? Я ей говорю: «Лиза! У твоей Анастасии Николаевны ни капли ни стыда ни совести, нельзя так ехать на человеке». А Лиза что? Она такого благородства человек! И все из-за того, что Анастасия поголовно все языки знает. Ну и что, я спрашиваю, из этого? Папин папа Эфраим знал древнееврейский и пел так, что его за триста верст приезжали слушать. Откуда, ты думаешь, у лёвы такие способности? И что? И ничего! Пока Лиза варит ей обед, почему бы не выучить японский язык? Каждый бы выучил! И я бы выучила, если бы за меня работали! Теперь ты меня понимаешь, Сонечка?

СОНЕЧКА. Да.

ЭСФИРЬ. А что, разве твоя мама тебе ничего не рассказывала про нашего дедушку Эфраима?

СОНЕЧКА. Нет.

ЭСФИРЬ. Мне это странно. Она должна была его помнить. Дедушку Эфраима знал даже генерал-губернатор.

СОНЕЧКА. Нет, мама мне про него не рассказывала.

ЭСФИРЬ. Очень странно... Каждая собака в городе знала генерал-губернатора... я хочу сказать... нашего дедушку Эфраима.

Картина четвертая
У Елизаветы Яковлевны.

СОНЕЧКА. Эсфирь Львовна сказала, что я должна взять у вас тот кусочек подкладки, на котором незабудки.

ЕЛИЗАВЕТА. Да, она у меня спрашивала, но я не поняла, какие незабудки.

СОНЕЧКА. Ну, помните, вы показывали кусок вышивки, подкладку от пальто вашей мамы?

ЕЛИЗАВЕТА. Господи, да зачем ей?

СОНЕЧКА. Эсфирь Львовна хочет сделать мне такую вышивку на свадебном платье...

Елизавета достает из шкафа кусок подкладки.

ЕЛИЗАВЕТА. Возьми, пожалуйста. Мне казалось, что это давно уже вышло из моды.

СОНЕЧКА. Я тоже так думаю. Но Эсфирь Львовна говорит, что хорошая работа из моды не выходит.

ЕЛИЗАВЕТА. А сама-то что думаешь, Сонечка?

СОНЕЧКА. Ничего. Все, что мне сшила Эсфирь Львовна, очень красиво, это правда.

ЕЛИЗАВЕТА. А что слышно от лёвы?

СОНЕЧКА. Неделю назад звонил из Академгородка. Сказал, что у него все в порядке. Задерживается еще недели на две. Наверное, прямо к свадьбе прилетит.

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ЕЛИЗАВЕТА. Ну и как ты без него поживаешь?

СОНЕЧКА. Ой, хорошо, тетя Лиза. Просто даже слишком. Как в санатории. Рядом с домом детский садик, там написано: требуется. Я хотела туда воспитательницей устроиться, хоть временно, а Эсфирь Львовна говорит – не надо. Она считает, когда Лёва приедет, тогда решим. Я бы пошла. А вы как считаете?

ЕЛИЗАВЕТА. И правда, не торопись. Распишетесь, там видно будет.

СОНЕЧКА. Эсфирь Львовна говорит, что надо своих детей воспитывать, а не чужих. А мне кажется, что я своих не смогу любить больше. У меня в группе были Варя Венкова и Миша Солодовников – такие детишки, просто чудо. Моя мама всегда говорила: «Ты, Сонька, семерых родишь». А я бы родила. Мне нравится, когда семья большая.

ЕЛИЗАВЕТА. Еще бы! Было время, у нас за стол садилось одиннадцать человек, только своя семья, и всегда кто-нибудь приходил к обеду. Бабушка Роза была хлебосольная. Все, все погибли в один день. И первенец Фирочкин. Ай, ладно, что об этом... Фира мне говорила, что учит тебя шить?

СОНЕЧКА. Да.

ЕЛИЗАВЕТА. Если бы ты научилась, это было бы очень хорошо. Конечно, как Фира, ты не научишься. Она ведь шьет даже для эстрады: все вышито, все блестит и сверкает.

СОНЕЧКА. Она мне показывала. Она даже Алле Пугачевой один раз шила, представляете? Моя мама тоже шила, но это никакого сравнения. Хотя моя мама все умела, даже пальто. Я после ее смерти все ее вещи в два чемодана сложила и убрала подальше. А то как наткнулась в шкафу на ее платье, ну просто не могу...

ЕЛИЗАВЕТА. Бедная девочка, бедная девочка...

СОНЕЧКА. Так странно... Когда мама умерла, я вдруг ясно вспомнила все, что было до нее.

ЕЛИЗАВЕТА. Как – до нее?

СОНЕЧКА. Мама взяла меня из Дома ребенка, мне еще пяти лет не было. Я очень плохо помнила все, что было раньше. Можно сказать, что я все забыла. А после маминной смерти все вспомнила ясно.

ЕЛИЗАВЕТА. Так Сима винавер тебя удочерила?

СОНЕЧКА. Да. Она была у нас музработником. Приходила два раза в неделю. Это почти единственное, что я помню, – как мама сидит за пианино, а мы поем и прыгаем под музыку. И еще она всегда приносила такие маленькие печеньица. Мне мама потом рассказывала, я этого не помню, что я подстерегла ее в коридоре и шепотом сказала: «Ты моя мама. Забери меня домой». И она забрала.

ЕЛИЗАВЕТА. Боже мой! Скажи, Сонечка, а Фира об этом знает?

СОНЕЧКА. О чем?

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, что Сима тебя удочерила.

СОНЕЧКА. Нет, кажется, я ей не сказала.

ЕЛИЗАВЕТА. А почему?

СОНЕЧКА. Да просто разговор об этом не заходил.

ЕЛИЗАВЕТА. Я думаю, что для Фиры это очень важно.

СОНЕЧКА. Да почему, тетя Лиза?

ЕЛИЗАВЕТА. Ты понимаешь, Сонечка, там, в Бобруйске, было до войны много еврейских семей. И все они погибли в один день, их расстреляли за городом, сразу

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru всех. Вся наша родня погибла, и первенец Фиры, Илюшечка, с ними погиб. И Фира мечтала, чтобы Лёва женился на еврейской девушке из Бобруйска, чтобы наша порода не пропала на Земле...

СОНЕЧКА. А я еврейка, тетя Лиза. У меня в паспорте записано: Софья Алексеевна Винавер, еврейка. Я когда паспорт брала, я сказала, чтобы написали, как у мамы. Мне когда шестнадцать лет исполнилось, мне мама сама все про детдом рассказала. И что если я хочу, мы можем поднять все бумаги и я могу взять ту фамилию. Ну, женщины, которая от меня отказалась. Но я, конечно, решила – пусть будет все как у мамы. А как иначе-то?

ЕЛИЗАВЕТА. Боже мой!

СОНЕЧКА. А с отчеством, тетя Лиза, история такая. Вообще-то об этом не говорят. Та женщина от меня отказалась, а отца у меня не было. В таких случаях часто пишут свое отчество. Мама была Сима Григорьевна. В молодости она любила одного человека, его Алексей звали. Пожениться они не поженились, но мама всегда говорила, что, если бы они поженились, у них непременно бы родилась я. А он женился на маминой подруге. И был несчастлив. Он потом хотел к маме уйти, но мама не захотела, потому что у Алексея уже были дети. Таких, как мама, на свете больше нет людей. Мне иногда кажется, что это она вас всех ко мне прислала...

ЕЛИЗАВЕТА (вытирает глаза). Сонечка! Пожалуйста, обещай мне, что не расскажешь об этом фире. Никому не говори.

СОНЕЧКА. И Лёве не говорить?

ЕЛИЗАВЕТА. Нет, Лёве-то можно, вот фире – не говори.

СОНЕЧКА. Вы думаете, она сильно расстроится?

ЕЛИЗАВЕТА. Я думаю, ей лучше этого не знать.

СОНЕЧКА. Хорошо, что вы меня предупредили. Она такая добрая, просто невероятно. Даже похвалить при ней ничего нельзя. Что понравится, она тут же с себя снимает. Вот, колечко подарила... Красивое... Тетя Лиза, а как вы думаете, это очень плохо, что Лёва ученый, кандидат наук, а я десятилетку еле-еле окончила? Он такой умный, а я ничего не знаю.

ЕЛИЗАВЕТА. А, Сонечка, это ничего не значит. Во-первых, женщина всегда умнее мужчины, уж это ты поверь. Во-вторых, ты же еще молодая, ты еще сможешь учиться и образование получить, какое захочешь.

СОНЕЧКА. Я хотела бы на вечерний, на педагогический...

ЕЛИЗАВЕТА. Решите с Лёвой, как лучше. Зачем тебе на вечерний? Лучше на дневном поучись.

СОНЕЧКА. Нет, тетя Лиза. Мне на дневной не поступить. В этом году я не успею подготовиться. В будущем бы...

ЕЛИЗАВЕТА. Там видно будет. Скажи, а Фира уже пошила тебе платье, которое собирается вышивать?

СОНЕЧКА. Нет, только материал купила. Крепдешин. Белый и такой сиреневый. Оно будет из двух цветов и с незабудками.

ЕЛИЗАВЕТА. Ой, так ты не забудь эти незабудки, вот же они!

Картина пятая
Эсфирь Львовна в своей квартире, у телефона.

ЭСФИРЬ (громким шепотом). Приехал вчера, поздно вечером. Сонечка, конечно, очень нервничала, даже плакала, между нами говоря. Накануне она мне сказала: «Эсфирь Львовна, он не придет!» Конечно, она обиделась: он уехал на следующий день после того, как подали заявление, и приехал через два месяца, и ни разу не написал, только несколько раз звонил по телефону.

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Слушай дальше, Лиза! Он преподнес ей букет, просто царский, необыкновенный
букет. Гвоздики, пятьдесят штук, шикарные, я сама купила на Центральном рынке.
Соня его встречает, я пошла ей твидовый костюм, на плечиках. Только что я такой
Люсе Гурченко сшила, со скошенными плечиками. Туфли «Саламандра» я купила у
одной нашей артистки, серые. В общем, можешь мне поверить, Лиза, как она
выглядела... Все, все заказано. В половине седьмого, в «Будапеште»... Нечего
тебе ехать в ЗАГС. Будь прямо там. Я скажу тебе честно, я заказала на пятьдесят
человек. Двадцать родственников... Как я набрала двадцать родственников? Откуда?
Ты, я, Лёва, Сонечка, Анастасия Николаевна.

...Мне всё равно. Это ты хочешь.

...Конечно, ее, как министра, надо приглашать за две недели.

...Потом Виктор Исаевич с женой, Юлий Маркович с женой и детьми. Как это – с
какими детьми? У него от первого брака сын, и он женатый уже, и у нее от первого
брака сын, и тоже женатый. Так вот они и придут с ними.

...Ну и что, пусть я их не знаю. Они меня прекрасно знают. Ты думаешь, им про
меня не рассказывали?

...Еще с работы, из театра, две мои приятельницы с мужьями и Марья Семеновна...

...Как это не родственники? Марья Семеновна все равно что родственник! Как, ты
не помнишь Марью Семеновну, нашу соседку по Делегатской? Угловая комната, ну,
конечно, тетя Маша и ее дочка Римка. И Ушаковы! Правильно, в первой комнате
жили, он жуткий пьяница, его вся Божедомка знала... а она очень порядочная
женщина, так с ним мучилась.

...Слушай, ты удивишься, но Тамарку я тоже пригласила. Ну, Тамарку-Хамку она
жила сначала в подвале, а потом, уже в сорок седьмом, она переехала к нам, возле
кухни.

... Пусть придет, Лиза. Ее же не каждый день в ресторан приглашают, пусть хорошо
покушает и получит удовольствие.

...Лиза, что ты говоришь? А кого? Кого мне еще приглашать? Не много, ничего не
много! И их друзья – Левины и Сонечкины. Две подружки приедут из Бобруйска.
Кстати, можно они у тебя переночуют? Ой, нет, они пусть ночуют у Виктора
Исаевича, а я пойду ночевать к тебе. Ты же понимаешь, пусть молодые останутся
вдвоем. Спасибо, Лиза! Да, дорого. А на что мне эти рубли, Лиза? Она ведь такая
неизбалованная. Сима таки ее хорошо воспитала. И как жаль, что она не дожила до
сегодняшнего дня!

...Да, я еще забыла тебе сказать – я решила, что это белое платье с незабудками
для загса не годится. Для загса нужен костюм. Платье – это на вечер, для
ресторана. А для загса я пошла костюм, тоже белый, но в другом роде. Ночь
сидела, только что закончила. Я сделала такую «фирму», что сам Кристиан Диор не
отличит. А если отличит, то лопнет от зависти! По моде? Нет, не по моде, это по
позабудущей моде!

Отворяется дверь ванной, выходит Сонечка в халате.

СОНЕЧКА. Доброе утро, Эсфирь Львовна.

ЭСФИРЬ. Доброе утро, доченька. (В трубку.) Ну вот, Сонечка уже вышла, сейчас
пойдем примерять. Так ты не опаздывай, Лиза! (Вешает трубку.) Ну, Сонечка,
надевай!

Сонечка надевает костюм.

Ну, видишь, как сидит! (Кричит.) Лёва! Лёва! Иди, посмотри, какой костюм!

СОНЕЧКА. Как красиво! Обалдеть! (Целует Эсфирь Львовну.) У меня за всю жизнь не
было столько красивых вещей!

ЭСФИРЬ. А, это все мелочи! Не это в жизни главное! Когда столько теряешь,
сколько теряли мы, понимаешь цену вещам. Цена этому всему – тьфу!

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
(Задумывается.) Но хорошую шубу я бы тебе все же купила... лёва!

СОНЕЧКА. А он спит еще. Он еще не выходил...

ЭСФИРЬ. Ну, пусть выпится.

СОНЕЧКА. Он говорил, что перелет был очень тяжелый, их посадили в Томске, два часа лишних там продержали...

Звонок в дверь. Эсфирь Львовна открывает, входит солдат с букетом – Витя.

ВИТЯ. Здравствуйте, а Соня здесь живет? (Видит Соню.)

ЭСФИРЬ. Сонечка, к тебе!

СОНЕЧКА. Ой, я тебя сразу не узнала! Витька! Откуда ты взялся? (Эсфири Львовне.)
Мой одноклассник. Познакомься, моя свекровь, Эсфирь Львовна. Откуда ты взялся с цветами?

ВИТЯ. Поздравить тебя приехал. Мне Ленка написала.

СОНЕЧКА. О, а я и не знала, что ты с ней переписываешься.

ВИТЯ. Да. Она мне и написала, что ты замуж выходишь и что ты ее на свадьбу пригласила. И адрес мне твой послала. А я служу в Кубинке, под Москвой, час езды, а ты на Бутырском валу, рядом с вокзалом.

СОНЕЧКА. Ну надо же! Ну и Витька! Я так рада, честное слово!

ЭСФИРЬ. Соня, что вы всё разговариваете? Пойди, покорми человека. Тольконими костюм.

СОНЕЧКА. Ох, да! Что же это я!

ВИТЯ. Да ты не суетись, я всего на десять минут. И есть я не хочу.

СОНЕЧКА. А как же свадьба?

ВИТЯ. Нет, у меня увольнительная до девятнадцати.

ЭСФИРЬ. Но надо покушать. Как это так! У нас домашняя еда, не казенная. Сейчас я почищу селедочку. Я вчера купила замечательную селедочку. Сонечка, вынь там курицу!

ВИТЯ. Нет, нет, спасибо. У меня увольнительная, правда, времени нет.

ЭСФИРЬ. Так вы тоже из Бобруйска?

СОНЕЧКА. Мы в одном классе учились, с первого класса.

ВИТЯ. Да.

ЭСФИРЬ. Значит, земляк. Жаль, что вы не можете прийти на свадьбу.

СОНЕЧКА. Ленка приехала и Наташка Горячкина будет.

ВИТЯ. Во, обрадовала! Наташка Горячкина. Больно нужно! Слушай, а она поступила учиться-то?

СОНЕЧКА. В пединститут.

ВИТЯ. А ты что ж, не поступила?

СОНЕЧКА. Было не до того...

ВИТЯ. Да, мне ребята говорили...

СОНЕЧКА. Ну вот, а когда мама умерла, я пошла в детский садик воспитательницей.

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

ВИТЯ. И как, ничего?

СОНЕЧКА. Мне нравится, очень даже нравится.

ЭСФИРЬ. Почему же вы не кушаете? Вы только разговариваете, давно бы успели покушать.

ВИТЯ. Нет, мне пора. Я ведь только на минутку. Поздравить. Вот. Поздравляю и желаю счастья.

СОНЕЧКА. Ты приезжай к нам, Вить. Приезжай обязательно.

ВИТЯ. Я приеду. Спасибо.

ЭСФИРЬ. Обязательно приезжайте.

ВИТЯ. Я пошел, до свиданья. (Уходит.)

СОНЕЧКА. Спасибо, Вить.

ЭСФИРЬ. Ну вот, ушел, а мы его даже не покормили.

СОНЕЧКА. Да он же не хотел!

Звонит телефон.

ЭСФИРЬ (берет трубку). Владимир Иванович! Здравствуйте! Да, спит еще. Разбудить? Да. Так что мы ждем вас, в половине седьмого. Петровские линии, ресторан «Будапешт». Спасибо. А что вы думаете? Дождалась, наконец! Спасибо! (Вешает трубку.) Сам Сазонов звонил!

Сони нет.

Сонечка! Ты слышишь? Сам Сазонов звонил! Почти академик! Он очень нашего Лёву уважает!

Картина шестая

Утро в квартире Эсфири Львовны. Эсфирь Львовна и Сонечка сидят на кухне.

СОНЕЧКА. Я давно знала, будет что-нибудь вот такое. Ужасное.

ЭСФИРЬ. Ничего ужасного не случилось! Подумаешь! Он весь в своего отца. Такой характер. Покойный Вениамин тоже взбрыкивал. И этот взбрыкивает. Я тебя уверяю, все будет хорошо. Главное, ты успокойся.

СОНЕЧКА. Эсфирь Львовна, я уезжаю в Бобруйск.

ЭСФИРЬ. С чего это ты поедешь в Бобруйск? Чего ты там забыла? Тебе нечего там делать.

СОНЕЧКА. Поеду в садик. Там мои детки. Они меня очень любят.

ЭСФИРЬ. Еще бы они тебя не любили!

СОНЕЧКА (с ужасом). А что я девочкам скажу? Ленке с Наташкой?

ЭСФИРЬ. Во-первых, никому ничего говорить не надо. Что говорить? Он напился пьяный и завтра будет дома. Что, я его не знаю? Он всегда – пофордыбачит, пофордыбачит, а потом делает как надо.

СОНЕЧКА. Посмотрите. Вот письмо, ясно сказано. (Читает.) «Дорогая Соня! Извини, что так глупо все получилось. Я не смог тебе вовремя объяснить, и все так далеко зашло. Я глубоко перед тобой виноват, но мне трудно объяснить ту сложную ситуацию, в которую я попал. Ты очень хорошая, замечательная и красивая девушка. Надеюсь, что со временем я смогу перед тобой оправдаться и ты не будешь считать меня последним подлецом. Лёва». Вот, видите!

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ЭСФИРЬ. Дай-ка сюда! (Рвет письмо.) Вот! Вот! Вот! Наплевать на это дурацкое письмо! У моего мужа был брат Шурка. Левин дядя. Так вот, это типично его поступок. У него всегда то одно, то другое и никогда его не поймешь!

СОНЕЧКА. И как это мне в голову пришло, что он действительно на мне женится! С какой стати! И правильно! (Сквозь слезы.) Тетя Фира, но какой позор! Вся эта свадьба, наряды, фотографии! Ой!

ЭСФИРЬ. Сонечка, что ты говоришь! Ты слушай меня! Все устроится! Тоже мне, безвыходное положение! Да он сам к тебе на коленях приползет! И будет просить прощения за все эти фокусы. Я его знаю! Он всегда так – сначала покажет характер, а потом делает как надо... расскажи мне, как все было вчера вечером. Он тебе ничего такого не говорил?

СОНЕЧКА. Вчера мы вернулись из ресторана, с нами пришли еще двое, из лаборатории, Миша и Толя. Сначала мы все долго сидели у Лёвы в комнате, они пили коньяк, а потом Лёва говорит:

«Иди спать, Соня, а я еще с ребятами посижу». А сам смурной такой. Я думаю, пьяный все же. Я и пошла. А утром я просыпаюсь, никого нет. Потом вижу – записка на столе. Написано: «Соне».

ЭСФИРЬ (бодро). Значит так, Сонечка! Во-первых, не обращать внимания! Поверь, на них вообще не стоит особенно обращать внимание. Это я тебя потом научу. И вообще – все будет в порядке! Поверь мне, я буду не я, если он через неделю не вернется домой. В крайнем случае – через две. Поняла?

СОНЕЧКА. Эх, Эсфирь Львовна, разве в этом дело? Он просто раздумал на мне жениться! Тогда бы и не надо! Как будто я его заставляла...

ЭСФИРЬ. Глупости! Просто такой характер! Главное, ты никому об этом не говори. Никаким знакомым.

СОНЕЧКА. Да нет у меня никаких знакомых.

ЭСФИРЬ. И очень хорошо. Это никого не касается. Это наши семейные дела! Потом вы еще будете внукам рассказывать, как дедушка со свадьбы удирал!

Картина седьмая
У Елизаветы Яковлевны.

ЭСФИРЬ. Что он делает, сумасшедший, что он делает? Я нашла ему такую девочку! Золото, а не девочка! Чистый брильянт! Чем она ему нехороша? Да он ногтя ее не стоит! А показать тебе, какое он мне письмо оставил?

ЕЛИЗАВЕТА. Как, и тебе тоже?

ЭСФИРЬ. А как ты думаешь? Он же понимает, что мама с ума сойдет, если он вот так уедет без единого слова. Утром рано я приехала от тебя, вижу на кухне на столе эти два письма. Сначала я их спрятала, потом понимаю, что нужно ей отдать. Положила на стол. Побежала звонить из автомата этому чертовому Толе, это его, его интриги, я же этого гада давно знаю. Никто не подходит. Ты думаешь, это он против нее так поступил? Нет, он влюблен в нее без памяти, в этом я уверена! Как это можно в такую девочку мужчине не влюбиться? Я сорок лет проработала в театре и я очень понимаю в этом вопросе. Уж в чем, в чем! Это он все придумал против меня! Вот послушай, что он мне пишет: «Дорогая мама! Видимо, я совершил большую ошибку, что не ушел из дому вовремя. Я не могу терпеть постоянное насилие с твоей стороны». Ты слышишь? Сукин сын, это он от меня терпит, а? Вот, дальше. «Я очень тебя люблю и ценю, но жить с тобой вместе под одной крышей я больше не могу». Крыша моя ему не нравится! Интересно, а чистые рубашки, а обед на столе, а белье, которое я в жизни не относил в прачечную, – это ему нравилось! Ты подумай, Лиза! Он думает, я побегу его догонять! Он не дает мне своего адреса, а то я его не найду в одну минуту! Он думает со мной шуточки шутить! Всю жизнь я на него положила! Ты же помнишь, Лиза, как было трудно. Ни на один день я не отдавала его в садик. Я была заведующей костюмерной мастерской – и я ушла на сдельщину, и сидела с ним, и шила по ночам! И каждое лето я увозила его в этот проклятый Судак и торчала там по три месяца, он не знал слова «нет»! А когда умер Вениамин, ему было всего четыре года, и с тех пор я не смотрела ни на

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru одного мужчину. И ты не думай, Лиза, за мной очень даже ухаживали. Владимир Антонович, заведующий постановочной частью, и еще один, тоже очень интересный. Всю жизнь я сыну отдала – и вот благодарность! Ты слышишь, Лиза?

ЕЛИЗАВЕТА. Фирочка, успокойся. Мне кажется, ты сейчас не права.

ЭСФИРЬ. В каком смысле? Как это?

ЕЛИЗАВЕТА. Ты не должна была настаивать, чтобы он на Сонечке женился.

ЭСФИРЬ. Я что, заставляла? Я же ни одного слова не сказала! Он сам сделал ей предложение и повел в ЗАГС!

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, это не совсем так.

ЭСФИРЬ. Ты хочешь сказать, что я его за руку вела? Ты на него посмотри, Лиза! Это же патологический тип! С чего он начал? В шестнадцать лет он спутался с Лидкой, и десять лет я не могла его отодрать. Ты бы ее видела! Старуха! Ей было двадцать пять лет, и она дважды была замужем. А уродка! Бабушка Роза ее бы в кухарки не взяла! Глаза как блюдца и вот такая голова, и ростом как пожарная лестница, и называется художница. Лёвушка ей понадобился! Бессовестная! Теперь берем дальше – только с ней распутался, я думаю – слава Богу! Нет, не слава Богу! Он же патологический тип! Опять нашел себе старуху! Да если бы не я, он бы на них всех женился, это я тебе точно говорю! И теперь, когда я нашла ему такую невесту, – он убежал! Не знаю, может быть, он хочет царскую дочь, как Иосиф прекрасный. Но пусть тогда имеет в виду: другой невестки, кроме Сони, у меня не будет!

ЕЛИЗАВЕТА. А если он не вернется?

ЭСФИРЬ. Как это не вернется? Такого еще не было. Никогда.

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, ты не горячись. Может быть, надо было как-нибудь поддипломатичнее?

ЭСФИРЬ. Ты что, принимаешь меня совсем за дуру? Я похожа на дуру? Ты помнишь, как дедушка Натан взял палку и побил Сёму, когда Сёма хотел жениться на Марусе Пузаковой? Первый раз в жизни дедушка кричал – если ты женишься на русской, в мой дом ты больше не войдешь!

ЕЛИЗАВЕТА. Но ведь он женился на Марусе!

ЭСФИРЬ. И что? И через месяц началась война!

ЕЛИЗАВЕТА. Ты хочешь сказать, что, если бы Сёма не женился на Марусе, война бы не началась?

ЭСФИРЬ. Нет, я другое хочу сказать. Сёма погиб, и все наши – и бабушка Роза, и дедушка Натан, и первенец мой Илья погибли еще раньше, и все – в один день. Кагановские погибли, и Тонечка Шапиро с детками, и Винаверы, кроме Симы, и Ехелевичи. И я хочу, чтобы мой сын родил детей с Соней Винавер, а не Бог знает с кем! И чтобы за стол садилась большая семья. Я хочу, чтобы его дочери были похожи на бабушку Розу и на Симу Винавер, а сыновья – на моего покойного мужа Вениамина и на брата Сёму! Я хочу, чтобы кровь моя не умерла на земле! И если он дурак, который в мозгах своих ничего, кроме физики, не имеет, если он не выполнит моей воли, он мне не сын!

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

Действие второе

Картина восьмая

В квартире у Эсфири Львовны. Эсфирь Львовна и Сонечка шьют.

ЭСФИРЬ. В нашем деле, доченька, главное – душевный покой. Конечно, можно пошить юбку, блузку, даже пальто так, без особого настроения, но эта беловшейная работа – только с настроением! Если нет душевного покоя, лучше занимайся чем-нибудь другим. (Берет из рук Сони что-то маленькое, беленькое.) Больше того тебе скажу, бывает, сядешь за работу нервная, злая, без настроения, немного посидишь – и все само собой делается хорошо. Это надо все распороть, доченька. Перетянула.

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

СОНЕЧКА. Да я уже два раза порола. По-моему, ничего.

ЭСФИРЬ. Тогда возьми в работу что-нибудь другое, а это оставь, я сама сделаю.

СОНЕЧКА. Нет, я сама.

ЭСФИРЬ. Я, например, никогда не делала батистовых распашонок. Батист – это для двухлетней девочки можно пошить платье. Но для грудных детей – никогда. Понимаешь, батист плохо впитывает. Только если взять старый, ношенный, тогда он подходящий. (Смотрит на Соню внимательно.) Вообще, должна тебе сказать – ты будешь шить, будешь. Есть такие люди, которых вообще научить нельзя. У нас в цеху было двенадцать человек. Так шили трое – Елена Рубеновна, из бывших благородных, я тебе про нее рассказывала, Нина Тягунова и я. Остальные шить не умели. То есть в конце концов с горем пополам они пришивали рукавчик к лифу, но это была не работа, а ерунда.

СОНЕЧКА. Я вчера видела объявление на детском садике – требуется...

ЭСФИРЬ. Ну и что?

СОНЕЧКА. Может, все-таки зайти?

ЭСФИРЬ. Не знаю, не знаю, как хочешь... Зачем тебе это? Чего тебе не хватает, скажи мне?

СОНЕЧКА. Да мне как-то неловко не работать. И скучно даже.

ЭСФИРЬ. Что значит скучно? Все есть – смотри телевизор, играй на пианино, книги читай, кинотеатр рядом... На прошлой неделе ходили в Большой. Забыла сказать, завтра опять пойдем, в Театр Сатиры, как ты хотела. Можно хорошую эстраду посмотреть. Даже можно в консерваторию.

СОНЕЧКА. А может, Елизавету Яковлевну пригласим?

ЭСФИРЬ. Никуда она не пойдет. Она и раньше редко ходила, а после смерти Анастасии Николаевны даже ноги не высовывает на улицу. Ты подумай, десять лет я ей твердила – иди на пенсию. Она одна, пенсию давно выработала, приличную. Нет, и всё! Ты Лизу не знаешь, это она к чужим мягкая. А когда я ей говорю что-нибудь важное, она делается как стена. Я ей десять лет твердила и слышала только одно – нет! Представь, умерла Анастасия Николаевна – Лиза сразу ушла на пенсию. Сколько месяцев, как она умерла?

СОНЕЧКА. Вскоре после свадьбы, я помню.

ЭСФИРЬ. Ну вот! Умерла Анастасия... Между прочим, я бы никогда не подумала на нее, что она на такое способна! Подарила тебе бриллиантовое кольцо! Хотя, с другой стороны, а кому ей было оставлять? Так вот, Лиза ее похоронила и тут же вышла на пенсию. И сидит теперь как проклятая над ее бумажками и разбирает эти каракули. И я не понимаю, что она может в них найти. И никакими силами ее нельзя от них отдрать! Хорошо! Ты позвони и пригласи ее в театр. Ты увидишь, она ни за что не пойдет. А раньше она мне говорила, что она без работы скучает!

СОНЕЧКА. Да и я про то же говорю – я тоже без работы скучаю. Я бы пошла.

ЭСФИРЬ. Ну хорошо, хорошо... Вот приедет Лёва, обсудите этот вопрос.

СОНЕЧКА. Когда он приедет... Сколько времени прошло, а он все не едет.

ЭСФИРЬ. Времени прошло! Три месяца – это не время! Знаешь, когда мой муж Вениамин был на фронте, от него девять месяцев не было писем. Девять! И ничего! Отвоевал и пришел целый-невредимый, только два ранения имел, и еще Лёву родили! А ты говоришь – время! Это еще не время! Можешь не сомневаться – в свое время придет!

Картина девятая

У Елизаветы Яковлевны. Она сидит за письменным столом. Входит Эсфирь Львовна.

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ЭСФИРЬ. Ну, и что я тебе так срочно понадобилась?

ЕЛИЗАВЕТА. А, Фирочка, я тебя жду, жду, уже начала беспокоиться.

ЭСФИРЬ. Чего тебе беспокоиться. Я искала лимоны Сонечке. У нее ангина. Так что у тебя за срочность?

ЕЛИЗАВЕТА. Никакой особенной срочности. Просто я хотела с тобой поговорить. Узнать, что ты решила... Как дальше...

ЭСФИРЬ. А что я должна решать? У Сонечки ангина... Живем – и всё!

ЕЛИЗАВЕТА. Но согласись, Фира, положение странное: три месяца как они поженились, Сонечка здесь, он в Новосибирске и не собирается возвращаться.

ЭСФИРЬ. А почему ты думаешь, что он не собирается? Я уверена, что он на майские приедет. Я звонила Сафонову, он сказал мне, что Лёва скоро вернется.

ЕЛИЗАВЕТА. Сказал, что вернется?

ЭСФИРЬ. Ну, в этом роде.

ЕЛИЗАВЕТА. А если не вернется?

ЭСФИРЬ. Ты думаешь, ты самая умная? Я ночь не сплю и только об этом думаю. Конечно, я всё решила. Если он не приедет на майские, я полечу в Новосибирск и привезу его сама. Он очень храбрый, когда меня нет. А когда я приеду и скажу: «Всё! Генук! Собирай вещи и едем домой! Тебя ждет жена!» – тут он уже будет не такой храбрый.

ЕЛИЗАВЕТА. А если он не поедет?

ЭСФИРЬ. Поедет как миленький!

ЕЛИЗАВЕТА. Он взрослый человек, Фира, и хочет решать свои проблемы сам, без мамы.

ЭСФИРЬ. Без мамы? Очень он много стоит без мамы! Что бы он был без мамы? Я дала ему образование! Он окончил у меня музыкальную школу! Я столько потратила на его учителей! Помнишь, когда он готовился в институт? Он, конечно, способный мальчик, но какие учителя с ним занимались! Профессора! Сплошь одни профессора! И один старый профессор, забыла, как его зовут, жал мне руку и говорил, какая у него светлая голова! Но что бы он был без меня – это еще вопрос!

ЕЛ И ЗА В ЕТА. Ну, хорошо, хорошо! Ты помогла своему сыну встать на ноги. Но ведь это делают все. Даже кошки! А когда ребенок становится взрослым, он уже все решает сам. Представь на минутку, что Лёва хочет жениться на другой женщине.

ЭСФИРЬ (смеется). Что ты несешь? Лёва женат на Сонечке! Что может быть ему лучше? На какой еще другой женщине? (Пауза). Лиза! Что ты знаешь? Немедленно выкладывай! Ну! Он опять с кем-то спутался? Говори же!

ЕЛИЗАВЕТА. Я ничего не знаю, я только предполагаю.

ЭСФИРЬ. Не морочь голову! Говори!

ЕЛИЗАВЕТА. Да что мне говорить... (Наливает капли в рюмочку, пододвигает сестре.) Вот выпей, пожалуйста!

ЭСФИРЬ (отодвигает капли). Говори!

Елизавета Яковлевна выпивает капли сама.

Говори! Ну! Я же вижу, что ты что-то знаешь!

ЕЛИЗАВЕТА. Я получила от Лёвы письмо.

ЭСФИРЬ. Давай его сюда!

ЕЛИЗАВЕТА. Нет, лучше я тебе расскажу.

ЭСФИРЬ. Давай письмо! Где письмо, Лиза!

ЕЛИЗАВЕТА (бросает письмо на стол). На, читай!

ЭСФИРЬ (берет письмо, роется в сумочке, ищет очки, не находит; далеко отнеся от себя руку с письмом, пытается читать. Не видит). Ладно, читай ты! Только ни слова не пропускай – я все равно проверю! Ну!

ЕЛИЗАВЕТА (читает). «Дорогая тетя Лиза! Мне очень неловко, что я обращаюсь к тебе за помощью, но я перебрал все варианты и решил, что это все-таки лучший. Я, конечно, целиком и полностью виноват в этой дурацкой истории с женьбой, и в результате больше всех пострадала Соня, которая здесь вообще ни при чем. Дело в том, что я женился. Жена у меня самая умная, самая талантливая и самая образованная из всех известных мне женщин. И красивая, между прочим. Она заведует лабораторией, где я сейчас работаю. У нее десятилетний сын от первого брака...»

ЭСФИРЬ. Какой лабораторией? Какой сын? Что ты несешь?

ЕЛИЗАВЕТА. «...Мы с ним очень подружились, чудесный парень. Скоро у нас будет второй ребенок. В связи с этим мне надо срочно оформить развод с Соней, мне бы хотелось зарегистрировать брак до рождения ребенка, чтобы потом его не усыновлять. Галя, моя жена, ничего не знает об этой нелепой истории, и я бы не хотел, чтобы она знала. Кроме всего прочего, в институте сейчас сдают жилой дом, и если бы наши документы были в порядке, нам бы дали четырехкомнатную квартиру. Пока мы живем в Галиной двухкомнатной, вместе с ее мамой. Она женщина на редкость славная, необыкновенно деликатная, хотя совсем простая, деревенская. Нам тесновато, но ничего. Просьба моя сводится вот к чему: подготовь маму к новому повороту событий, а то я боюсь, как бы с ней чего не случилось от таких неожиданных известий. Соне я напишу отдельное письмо. Я слышал, что есть такая форма, когда брак признают недействительным, а в данном случае так оно и есть. Тогда и суд не нужен. Если она согласится прислать мне такое заявление, вся проблема будет исчерпана. Если нет, мне придется для этого приехать самому. Напиши мне, пожалуйста, где мне искать Соню – у мамы или в Бобруйске. Если она в Бобруйске, пришли мне, пожалуйста, ее адрес. Спасибо тебе заранее за все, что тебе предстоит из-за меня перетерпеть. Твой Лев». (Долгая пауза.) Вот.

ЭСФИРЬ. Какой негодяй! И это мой сын! А она его ждет! Сонечка ему нехороша! Да он ее ногтя не стоит! Он думает, что я приму эту его так называемую жену? Пусть не рассчитывает! Как ты думаешь, сколько ей лет? Если у нее уже взрослый сын и она заведует лабораторией? Опять его какая-то старуха обработала! Что ты молчишь?

ЕЛИЗАВЕТА. Надо выслать ему бумагу, которую он просит.

ЭСФИРЬ. Что? Бумагу ему выслать? Да я сама поеду в Новосибирск и устрою ей такое, что она меня на всю жизнь запомнит! Отхватила себе такого мальчика! Я не для нее его растила. Ты знаешь, чего он мне стоил! Сколько он болел! Туберкулез – это не шутка! А дизентерия? Это шуточки, я тебя спрашиваю? А носоглотка? Какая у него была носоглотка!

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, при чем тут носоглотка? У него же будет ребенок.

ЭСФИРЬ. Что ребенок? Что ты вообще в этом понимаешь? Ты – сухая ветка! Что ты мне тычешь этого ребенка? Это вообще не его ребенок! Когда это она успела? Значит, так: я еду в Новосибирск!

ЕЛИЗАВЕТА. Фира! Надо все сказать Сонечке!

ЭСФИРЬ. Да, Сонечка! Это правильно! Я поеду в Новосибирск с Сонечкой! И той я скажу: «Посмотри, вот Левина жена! Это что, красиво – отбирать мужа у чужой жены?» Бессовестная! Я ни перед чем не остановлюсь! Я пойду в этот – в профком, в райком, к черту, к дьяволу! Потому что мне важнее всего справедливость.

ЕЛИЗАВЕТА (встает из-за стола). Фира! Я молчала всю жизнь. А теперь ты помолчи и

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
послушай, что я тебе скажу: ты – самая большая эгоистка на свете!

ЭСФИРЬ. Я – эгоистка?! Да я всю жизнь...

ЕЛИЗАВЕТА. Помолчи! Ты – самая большая эгоистка, какую я в жизни видела. Ты хочешь, чтобы все было по-твоему, ты ни с кем не считаешься. Ты всех вокруг делаешь несчастными: и покойного Вениамина, и Лёву, и теперь вот ты Сонечкину жизнь всю переворошила.

ЭСФИРЬ. Сумасшедшая! Ты всегда была сумасшедшая! Не зря тебя тогда в сумасшедший дом посадили!

ЕЛИЗАВЕТА. Помолчи, Фира. Ты считаешь себя самой умной и всем влезаешь в печенки – и Лёве, и Соне, и мне!

ЭСФИРЬ. Я влезаю в печенки? Да что вы без меня можете? Ты думаешь, Лёва сможет без меня жить?

ЕЛИЗАВЕТА. Прекрасно сможет. И Лёва сможет, и Сонечка, и даже я кое-как смогу.

ЭСФИРЬ. Так что же, я никому не нужна?

ЕЛИЗАВЕТА. Я другое тебе говорю. Я говорю, что ты старая безумная эгоистка.

ЭСФИРЬ (влезает на подоконник). Прекрасно! Прекрасно! Вы будете рыдать и плакать и вспоминать меня каждый день! А я посмотрю, как вы будете без меня! И пусть никто не смеет приходить ко мне на могилу! И ты не смей! (Бросается в окно.)

ЕЛИЗАВЕТА. Фира!

Колышется занавеска.

Картина десятая

В квартире Эсфири Львовны. Звонок в дверь. В прихожую выходит Сонечка в носках, в халатике поверх ночной рубашки, с обвязанным горлом. Открывает дверь. Входит Витя.

ВИТЯ. Сонька, привет.

СОНЕЧКА. Ой, я думала, мама! Извини, я в таком виде! (Запахивает халатик.) Заходи, Витя! Как я рада!

ВИТЯ. Ты что, болеешь?

СОНЕЧКА. Ангина. Ты раздевайся, раздевайся, Витя!

ВИТЯ. Может, я пойду? Ты болеешь...

СОНЕЧКА. Нет, что ты! Я так рада! Сколько раз вспоминала, как ты тогда пришел с цветами на свадьбу-то...

ВИТЯ. Ага. Я тогда, представляешь, письмо от Ленки прямо накануне получил – думаю, дай съезжу, раз с адресом-то... Близко...

СОНЕЧКА. А что же ты потом не приезжал?

ВИТЯ. Служба, такое дело, сама понимаешь. (Значительно .) Командировали...

СОНЕЧКА (ввосхищении). Да-да-да... Понимаю...

ВИТЯ. Да ты ляг. Ты ж больная.

СОНЕЧКА. Я лягу. А то мама придет, ругаться будет, что я встала. Она за лимонами поехала. А лимонов во всей Москве нет. Она говорит: пока не найду, не приду. Такой человек – что ей надо, из-под земли достанет.

ВИТЯ. Да я и сам такой. Если чего захотел – добиваюсь.

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
СОНЕЧКА. Вить, а ты ведь изменился... Ты что, вырос, что ли?

ВИТЯ. А я расту. До сих пор расту. Представляешь, скоро девятнадцать, а я всё расту! На четыре сантиметра вырос. Метр восемьдесят шесть.

СОНЕЧКА. Ну надо же! (Ложится в постель.) Мне бы немного подрасти!

ВИТЯ. А тебе зачем? Ты в аккурат! Я дылд не люблю.

СОНЕЧКА. Вить, а Ленка тебе пишет?

ВИТЯ. Раз написала, я сразу не ответил, она обиделась, такое письмо накатала, да ну ее...

СОНЕЧКА. А я от нее письмо получила, пишет, что Тонька Гордиенко замуж вышла.

ВИТЯ. За кого?

СОНЕЧКА. За Славку Кониная.

ВИТЯ. Я знаю его, нашу школу кончал, в оркестре играл, ударником.

СОНЕЧКА. Точно, точно, ударником был. Он отслужил, пришел, и через два месяца Тонька за него вышла. Она хорошая девчонка, Тонька.

ВИТЯ. Вроде ничего. Ну а ты-то как, Сонь?

СОНЕЧКА. Да хорошо, Вить. Все нормально. Ты расскажи лучше, как твоя служба. А то ты тогда зашел на минутку, мы даже не поговорили.

ВИТЯ. Служба – отлично. Можно сказать – повезло. Во-первых, сержантская школа, сама понимаешь, это уже плюс. Потом попал в хорошее место. Москва рядом. Специальность интересная. Ребята отличные со мной служат. Вообще, армия по мне. Я, может, в армии останусь. Есть кой-какие предложения. Но у меня, знаешь, идея – в Военно-инженерную академию поступить.

СОНЕЧКА. Да что ты, Вить, всю жизнь по казармам, по чужим квартирам. Своего дома не иметь.

ВИТЯ. Ну ты и рассуждаешь! А на что он мне, дом? Вон, мой отец всю жизнь угробляется с этим домом. А военный человек, если хочешь знать, он в привилегированном положении. Это нам наш капитан говорит, это точно. Все его проблемы государство решает. Привилегированное положение, понимаешь? Ну, а ты-то как, Сонь? Работаешь?

СОНЕЧКА. Нет, Витя, дома сижу.

ВИТЯ. А чего же ты дома-то делаешь? Обед, что ли, варишь?

С О Н Е Ч К А. Нет, обед не варю. Обед свекровь варит.

ВИТЯ. Ну, я смотрю, ты хорошо устроилась. (Смотрит на фотографию на стене.) Это муж твой?

СОНЕЧКА (встает). Да. Это на свадьбе.

ВИТЯ. Этот, лысый?

СОНЕЧКА. Так, немного лысоват. У него глаза очень красивые, необыкновенные.

ВИТЯ. А как он вообще, ничего?

СОНЕЧКА. Он, Витя, человек очень интересный. Он физик...

ВИТЯ. Слушай, а может, неудобно, что я пришел? Твой физик ревнивый, наверное?

СОНЕЧКА. Да что ты, его и в Москве-то нет!

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

ВИТЯ. В командировке, что ли?

СОНЕЧКА. Как тебе сказать. Не в командировке. Он в Новосибирске.

ВИТЯ. А ты здесь? Чего же ты с ним не поехала?

СОНЕЧКА. Вить, понимаешь, такая история вышла... ты только никому не говори. Ну, из наших.

ВИТЯ. А кому мне говорить? Я здесь, они – там.

С О Н Е Ч К А. В общем, история такая получилась. Он на свадьбе выпил.

ВИТЯ. Ну, это понятно.

СОНЕЧКА. Выпил, а потом... как это тебе объяснить...

ВИТЯ. Подрался, что ли?

СОНЕЧКА. Нет, что ты! Он не такой. Гораздо хуже.

ВИТЯ. Что хуже? Больше пятнадцати суток?

СОНЕЧКА. Хуже, Витя.

ВИТЯ. Срок?

СОНЕЧКА. Какой срок?

ВИТЯ. Срок он получил, что ли? Сел?

СОНЕЧКА. Да нет, что ты! Он не такой. Он просто уехал.

ВИТЯ. Как – уехал?

СОНЕЧКА. Сразу после свадьбы уехал. Оставил мне записку, что уезжает. А когда вернется, неизвестно. Только ты никому не говори, Вить, ладно? В Бобруйске никто не знает.

ВИТЯ. А что же ты?

СОНЕЧКА. А что я? Я поревела, поревела, потом собралась домой. Стыдно, ужас. Но свекровь меня не пустила. Говорит: «Я его знаю, он вернется. Все будет хорошо – подожди!»

ВИТЯ. Ну и что?

СОНЕЧКА. Вот я и жду.

ВИТЯ. Чего ждешь?

Сонечка опускает голову, Витя хватается за плечи.

Сонька, да ты что? Ты – самая красивая девчонка на всю школу! Чтоб так! Да он просто гад, твой Лёва! Бросил тебя, а ты сидишь, ждешь чего-то! Ты бы еще в монастырь пошла! Сонь! Мы в такое время живем, а ты... Где же твоя гордость?... Сонька!

Сонечка начинает плакать, закрывает глаза руками, плачет по-детски, с обидой.

СОНЕЧКА. Ну нет, нет у меня гордости. Я про гордость и не думала даже. Хорошо тебе говорить! А что? Что мне было делать?

ВИТЯ. Да не плачь ты, слушай... Ну что ты, Сонь. Ну как – что делать? Ну поехала бы домой, работа, то, се...

СОНЕЧКА. Стыдно, Витя. И свекровь не пустила.

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ВИТЯ (обнимает ее). Какая же ты маленькая, Соня. Ужас просто, какая же ты маленькая. Ты не плачь. Мы что-нибудь придумаем... ты такая красивая... на тебя аж смотреть больно.

СОНЕЧКА. Витя, не надо... Витя, вода на кухне капает. Надо кран завернуть...

ВИТЯ. Пусть капает... Соня... Сонечка...

СОНЕЧКА. Витя...

Начинает играть музыка, еврейская свадебная музыка, которая уже звучала в начале... Громко, тише, тише... капает вода из крана... а потом раздается звонок в дверь.

Витя! Звонят!

ВИТЯ. Погоди открывать...

С О Н Е Ч К А (уже у двери). Кто там?

ЕЛИЗАВЕТА. Сонечка, это я, Елизавета Яковлевна.

Соня открывает.

Ой, бедняжка, ты совсем больная... у тебя жар! Ты ложись, ложись!

СОНЕЧКА. Да нет, ничего... я уже здорова.

Проводит Елизавету Яковлевну на кухню. Одетый Витя шмыгает к двери, Сонечка возвращается из кухни.

ВИТЯ. Я приеду к тебе. Обязательно. Не плачь только. Все будет нормально, слышишь? (Уходит.)

С О Н Е Ч К А. Тетя Лиза, Эсфирь Львовна за лимонами поехала, а потом к вам собиралась...

ЕЛИЗАВЕТА. Она у меня была, Сонечка. Но сейчас она в больнице.

СОНЕЧКА. как – в больнице?

ЕЛИЗАВЕТА. Сонечка, только ты не волнуйся. Случилось несчастье.

СОНЕЧКА. ой!

ЕЛИЗАВЕТА. Да! и – ни царапинки! Только синяк на правом боку.

СОНЕЧКА. Какой кошмар!

ЕЛИЗАВЕТА. У меня под окном – тополь. Она упала прямо на ветки, а потом – вниз. А внизу стояла целая гора картонных коробок. У нас же магазин внизу...

СОНЕЧКА. я поеду в больницу. Где это?

ЕЛИЗАВЕТА. Куда ты поедешь? Ночью? Я только что оттуда. Завтра ей сделают рентген и отправят домой.

СОНЕЧКА (плачет). Как все плохо... плохо... плохо...

ЕЛИЗАВЕТА. Ну что ты, девочка, что ты? Разве это плохо? Это все очень, очень хорошо... Она могла бы убиться насмерть.

Картина одиннадцатая
Открывается дверь в пустую квартиру Эсфири Львовны.

Входят Сонечка, Эсфирь Львовна в гипсе. Рука зафиксирована локтем вверх, ладонь на уровне лица.

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Следом– Елизавета Яковлевна.

ЭСФИРЬ. Ну, слава Богу, я дома. Сонечка, как ты всё хорошо убрала, умница. И цветы...

ЕЛИЗАВЕТА. И обед приготовила твоя Сонечка.

ЭСФИРЬ. Так мойте руки и садимся за стол. (Пытается раздеться, Сонечка ей помогает.) Тьфу! Это же ужас, как неудобно... и как я буду шить... Ой, это называется еврейское счастье. Ты подумай, Соня, я так удачно выпала из окна, у меня не было ни одной царапины. И надо же было их слушать и делать этот проклятый рентген! Я ведь сразу сказала – везите меня прямо домой, и все! Нет! и вот результат!

Сонечка достает из холодильника еду, ставит на стол.

Я выхожу из этой дурацкой кабины, из этой рентгеновской клетки, а там – ступенька; зачем там ступенька?! И я падаю и ломаю себе локоть, и как! И это тоже еврейское счастье – чтобы сразу два перелома и повреждение сустава! Чтоб мне так повезло!

СОНЕЧКА. Ой, хлеба нет!

ЕЛИЗАВЕТА. Ну так поедим без хлеба.

ЭСФИРЬ. Как это без хлеба, что за еда без хлеба?

СОНЕЧКА. Я сбегаяю... Это же пять минут!

ЭСФИРЬ. Сбегай, доченька, сбегай!

Сонечка уходит.

Лиза, ты ей ничего не говорила? Точно?

ЕЛИЗАВЕТА. Про то, как ты прыгала в окно?

ЭСФИРЬ. Я об этом вообще не хочу слышать. Про письмо ты ей ничего не говорила?

ЕЛИЗАВЕТА. Нет.

ЭСФИРЬ. И не смей. И еще – Лиза, поклянись мне, что Сонечка про это ничего не узнает.

ЕЛИЗАВЕТА. Про письмо?

ЭСФИРЬ. Про окно. Это с каждым может случиться. Клянись, что Сонечка про это ничего не узнает.

ЕЛИЗАВЕТА. Ой-ей-ей!

ЭСФИРЬ. Так. Она от него ничего не получила?

ЕЛИЗАВЕТА. Я об этом ничего не знаю.

ЭСФИРЬ. Ты посмотри, как она старалась. Весь дом блестит, и обед приготовила. Золото, золото, а не девочка! Покойная Сима порадовалась бы за нее.

ЕЛИЗАВЕТА. Не знаю, чему бы уж так радовалась Сима.

ЭСФИРЬ. А чего бы ей не радоваться? Девочку взяли в такую семью, как наша, и на все готовое, слава Богу...

ЕЛИЗАВЕТА (хватается за голову). Нет, теперь уже я выброшусь из окна! я больше не могу! Неужели ты ничего не понимаешь? Неужели ты думаешь, что Лёва будет ее мужем?

ЭСФИРЬ (кротко). Нет. Не думаю. Я стала умнее. Когда я была между небом и

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
землей, Лиза, я кое-что поняла. Бог меня любит, Лиза. Другой на моем месте ломал бы себе голову или хотя бы ноги. А мне – хоть бы что! И не говори мне про тополь или про ящики. Это глупости. Когда Авраам уже чуть-чуть не убил Исаака, Бог послал ангела, и ангел привел Аврааму козла! А мне ангел положил картонные ящики! Спрашивается, зачем? Чтоб я стала умнее! Чтобы я знала, для чего мне жить. И не говори мне про Лёву. У меня больше нет сына. Все! Я не хочу больше слышать его имени. У меня есть дочь. Да, я удочерю Сонечку. Я найму учителей, она поступит в институт. Конечно, не в педагогический, что это за специальность, возиться с чужими детьми.

Пусть она будет инженер. Я найду ей мужа. Хорошего еврейского парня, чтоб была хорошая семья. У меня уже есть на примете одна семья. Очень, очень приличная семья... И чтобы она родила детей. Да, и внука мы назовем Вениамин, в честь моего покойного мужа.

ЕЛИЗАВЕТА. Нельзя удочерить взрослого человека. Сонечке восемнадцать лет.

ЭСФИРЬ. Что, в восемнадцать лет уже не нужна мама? Почему я не могу удочерить Сонечку? Она дитя Симы Винавер. А Винаверы – хорошая еврейская семья, и Бог знает сколько лет мы жили с ними на одной улице. Это родная кровь.

ЕЛИЗАВЕТА. Хватит, Фира, хватит. Это не родная кровь. Знай: Сонечка не родная дочь Симы. Приемная. Сима взяла ее в детском доме, когда Сонечке не было пяти лет.

ЭСФИРЬ. Что? Как это?

ЕЛИЗАВЕТА. Я пятьдесят лет проработала акушеркой, Фира. Это бывает. Раньше – реже, теперь – чаще. Сонечку бросила мать. Отказалась.

ЭСФИРЬ. Ой-ей-ей! Какое несчастье! Какая сука! Какая стерва! Я бы убила ее своими руками! Я бы ее задушила! Это хуже фашистов! Оставить, бросить свое дитя! О, что ты мне сказала! Мое сердце просто разрывается! (Пауза.) А откуда ты знаешь?

ЕЛИЗАВЕТА. Мне Сонечка сказала.

ЭСФИРЬ. А почему она мне не сказала?

ЕЛИЗАВЕТА. Разговор не зашел.

ЭСФИРЬ. Деточка моя! Доченька моя! Два раза потерять мать! Сирота, без папы, без мамы! Господи, как ты это безобразие допускаешь? Ой, кровиночка моя! (Пауза.) Если ее Сима удочерила, почему я не могу?

ЕЛИЗАВЕТА. Да в Сонечке нет ни капли еврейской крови. А Симу спасла и вырастила тетя Клава, и Симе было все равно, есть в ребенке еврейская кровь или нет... А тебе?

ЭСФИРЬ. Лиза, ты дура! Девочку бросила мать. Это такое несчастье! Это сиротская горькая несчастная кровь! А ты говоришь – нет еврейской крови! Это же самая разъеврейская кровь!

Входит Соня с хлебом.

Доченька моя! Иди сюда!

СОНЕЧКА. Я хлеб принесла.

ЭСФИРЬ. Почему же ты мне ничего не сказала?

СОНЕЧКА. Чего не сказала?

ЭСФИРЬ. Деточка моя, никогда, никогда я тебя не оставлю, кровиночка моя...

СОНЕЧКА. Я хлеб... Что с вами, Эсфирь Львовна?

Картина двенадцатая

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
СОНЕЧКА. Вить, а когда ты на меня обратил внимание?

ВИТЯ. Я в пятом классе был в тебя ужасно влюблен, и в шестом. А потом возненавидел. Не знаю, почему. Тыходишь в класс, а меня ну просто всего переворачивает.

СОНЕЧКА. Мне всегда казалось, что ты ко мне очень плохо относишься.

ВИТЯ. Ну, а потом, в десятом, мы с Ленкой стали гулять. Она про тебя часто поминала.

СОНЕЧКА. Мне Ленка, конечно, говорила, что с тобой встречается.

ВИТЯ. Да все знали. Все наши. Только, Соня, это было все совсем другое. Никакого сравнения. Ты и не думай, Сонь.

СОНЕЧКА. Все равно нехорошо как-то. Ленка – подруга моя. Да со всех сторон нехорошо. Ой, самое главное тебе не сказала! Я письмо от Левы получила.

ВИТЯ. В Новосибирск зовет?

СОНЕЧКА. Совсем наоборот. Он просит прислать ему заявление, чтобы брак признать недействительным.

ВИТЯ. А ты что?

СОНЕЧКА. Я тут же и послала. Витечка, если бы тебя не было, я бы, наверное, очень переживала. А теперь мне это совершенно все равно. И даже очень легко. Я утром как проснусь, вспомню про тебя и улыбаюсь. Меня свекровь все время спрашивает: «Сонечка, чему это ты улыбаешься?»

ВИТЯ. Мне тоже ребята говорили: «Ты что, как дурак, все время улыбаешься?»

Целуются.

Сонь, ты уедешь теперь?

СОНЕЧКА. Уеду, конечно. А что мне тут делать?

ВИТЯ. Когда?

СОНЕЧКА. Когда у Эсфири Львовны гипс снимут.

Я же не могу ее одну оставить, с гипсом-то. Ни умыться, ни еду приготовить.

ВИТЯ. В общем-то, ты права. С какой стати тебе у них жить?

СОНЕЧКА. Ты не думай, Витя. Я ведь на работу устраиваюсь. В детский садик, прямо во дворе. Временно.

ВИТЯ. Плохо, конечно, что ты уедешь. Но в общем-то все правильно, Сонь.

СОНЕЧКА. Дождик начинается. Пошли ко мне.

ВИТЯ. Нет, я больше к тебе ходить не буду. Мне перед старухой стыдно. Она все – покушайте, покушайте. Пошли в кино.

СОНЕЧКА. Пошли.

Картина тринадцатая
В квартире Елизаветы Яковлевны. Она в ворохе бумаг. Сонечка сидит напротив.

ЕЛИЗАВЕТА (отодвигает бумаги). Сонечка, что стряслось, детка?

СОНЕЧКА. Все! Все стряслось!

ЕЛИЗАВЕТА. Ты получила письмо от Левы?

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
СОНЕЧКА. Получила. Отправила я ему заявление. Да не в этом дело!

ЕЛИЗАВЕТА. Так что случилось у тебя?

СОНЕЧКА. Тетя Лизочка, я устраиваюсь на работу в садик.

ЕЛ И ЗА В ЕТА. И хорошо. Я думаю, что ты совершенно права.

СОНЕЧКА. Меня послали по врачам, анализы сдавать и все такое... к терапевту, и к невропатологу и к гинекологу... и гинеколог мне сказал, что я беременна. Но этого не может быть.

ЕЛИЗАВЕТА. А какой срок, Сонечка?

СОНЕЧКА. В две недели...

ЕЛИЗАВЕТА. Нет, нет, этого не может быть. Ни один гинеколог не ставит двухнедельного срока, это какая-то ошибка, недоразумение.

СОНЕЧКА. Вот и я говорю, что этого не может быть! А она говорит – да! А в садике говорят, чтобы я оформление прошла в две недели...

ЕЛИЗАВЕТА. Подожди, деточка, какие две недели? Я спросила, какой срок беременности тебе определили?

СОНЕЧКА. Десять недель. Но этого не может быть!

ЕЛИЗАВЕТА. Извини, Сонечка, но ответь мне на один вопрос: у тебя был кто-то?

СОНЕЧКА (твердо). Нет. (Поколебавшись.) То есть ничего такого у меня не было.

ЕЛИЗАВЕТА. Погоди, погоди, но что-то ведь было...

СОНЕЧКА. Было один раз что-то такое, но вы не думайте, это не то...

ЕЛИЗАВЕТА. А ты знаешь, что такое то?

СОНЕЧКА. Нет. Но то, что было, это точно не «то».

ЕЛИЗАВЕТА. Ты вспомни все, что было.

СОНЕЧКА. Да почти ничего и не было. Он спросил меня про Леву, а я вдруг разревелась, как дура, мне так обидно показалось, а он меня обнял и поцеловал, и был такой момент, когда я испугалась. Но это было только одно мгновение, и все... потому что вы тогда в дверь позвонили... когда Эсфирь Львовна упала, это было...

ЕЛИЗАВЕТА. Я? Я позвонила... О Господи, ну конечно же...

СОНЕЧКА. Он мой одноклассник, служит под Москвой. Он тогда просто так зашел. И вот, все началось тогда...

ЕЛИЗАВЕТА. Да, тебе повезло, доченька.

СОНЕЧКА. В каком смысле, тетя Лиза?

ЕЛИЗАВЕТА. Я знала множество женщин, у которых за всю жизнь не получалось того, что у тебя получилось в одно мгновение.

СОНЕЧКА. Вы тоже думаете, что я беременна?

ЕЛИЗАВЕТА. Завтра я отведу тебя в мой роддом, к нашему главврачу, он тебя посмотрит, и это уже будет наверняка...

СОНЕЧКА. Какой ужас! Что же делать?

ЕЛИЗАВЕТА. Как – что делать? Рожать.

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
СОНЕЧКА. Ой, как все нескладно у меня... А как я скажу Эсфири Львовне?

ЕЛИЗАВЕТА. Да подожди ты об Эсфири. Скажи мне, а этот твой герой, он у тебя с тех пор не появлялся?

СОНЕЧКА. Я его четыре раза видела. Первый раз он домой пришел, а потом мы на вокзале встречались. Но больше ничего такого не было. Мы только в кино ходили. И целовались.

ЕЛИЗАВЕТА. А ты ему сказала?

СОНЕЧКА. Нет. Он приедет, наверное, в следующее воскресенье.

ЕЛИЗАВЕТА. Так вот, когда он приедет в следующий раз, ты скажи ему, что беременна. Ты поняла?

СОНЕЧКА. Нет, не смогу. Ну как это я ему такое скажу! Да он и не поверит! Мне все же кажется, здесь какая-то ошибка.

ЕЛИЗАВЕТА. Ты скажи ему, и мы посмотрим, как он себя поведет.

СОНЕЧКА. А Эсфирь Львовна?

ЕЛИЗАВЕТА. А вот ей пока что ничего не говори. Ах ты, горе мое, и откуда ты такая взялась?

Картина четырнадцатая
Сонечка и Витя в подъезде.

ВИТЯ. Это точно?

СОНЕЧКА. Точно.

ВИТЯ. Потрясающе! Мать моя обалдеет!

СОНЕЧКА. Вить!

ВИТЯ. Ну, не ожидал от тебя, Сонька! Не ожидал!

СОНЕЧКА. Ты как вообще к этому относишься?

ВИТЯ. К чему?

СОНЕЧКА. Ну, к ребенку...

ВИТЯ. Я же тебе говорю, я не против!

Он пытается ее поцеловать, она его отстраняет.

А что такого? Мы свадьбу устроим! Я со свадьбы не сбегу, за меня не беспокойся! Позовем твоего профессора, вот смех будет!

СОНЕЧКА. Он не профессор, он кандидат наук.

ВИТЯ. Ну, какая разница. У нас в Бобруйске это без разницы! Да вообще, я представляю, как весь Бобруйск обалдеет: выходила за профессора, а вышла за Витьку Михнича!

СОНЕЧКА. Да я тебя не про то, я тебя про ребенка спрашиваю – как ты относишься?

ВИТЯ. Я же тебе говорю – я не против! Ты же девочка была, я что же, не понимаю... Распишемся. Я знаю, у нас в части один парень вот так расписывался с бабой, она приехала, беременна, и расписали по военному билету. Распишемся–и поедешь к моей матери. Вот она обалдеет! А бабка моя (хохочет) – та вообще с ума сойдет! Она ваших ужас как не любит!

СОНЕЧКА. Кого не любит?

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ВИТЯ. Да евреев она не любит.

СОНЕЧКА (с испугом). Правда?

ВИТЯ. Да что ты так испугалась, плевать на нее. Мне-то все равно. Я тебя знаю, ты девчонка хорошая, хоть и еврейка.

СОНЕЧКА (после паузы). Вообще-то я не совсем еврейка. Меня мама из детдома взяла...

ВИТЯ. Иди ты! Ты никогда не говорила! И в классе никто не знал!

СОНЕЧКА. Так что я совсем даже не еврейка...

ВИТЯ. Сонь, да мне все равно! Я бы на тебе, хоть и на еврейке, женился, ты не думай... Я же не подонок какой... Вообще-то, конечно, ты на еврейку и не похожа. У них носищи такие, и они черные, а ты как русалочка, наоборот, вся светленькая такая... (Тянется ее поцеловать.)

СОНЕЧКА. Но мама моя была еврейкой.

ВИТЯ. Да что ты заладила, мне плевать вообще-то, плевать, я тебе говорю!

СОНЕЧКА. Нет, ты объясни мне, почему твоя бабушка евреев не любит?

ВИТЯ. Ну ты даешь, привязалась!

СОНЕЧКА. Но, правда, ты объясни мне, что ты имеешь против евреев?

ВИТЯ. Тьфу ты! Хорошо, могу объяснить! Пожалуйста! Потому что евреи хитрые, ищут, где бы лучше устроиться, чтоб поменьше работать и побольше загребать. К примеру эти твои, обрати внимание! Мой папаша всю жизнь вкалывает на заводе, а с апреля на садовом участке потеет, и мать тоже, а твои? Свекруха на машинке строчит! Тоже мне работа! Не на заводе! А лёва твой в лаборатории, на чистенькой работе триста рублей загребает. И вообще, где потяжелее, на черной работе, там их не увидишь. Они сидят, как тараканы, в теплом месте. Поняла теперь?

СОНЕЧКА. Вить, ты говоришь что-то не то про легкую еврейскую работу. Моя мама всю жизнь за сто рублей работала в музыкальной школе. С утра до ночи. И Эсфирь Львовна не на легкой работе... и тетя Лиза... Нет, Вить, нет!

ВИТЯ. Ну хорошо, идем дальше! Чего они уезжают? Ну, в Израиль там, в Америку? Родину бросают и уезжают, чтоб жить хорошо. Другие, может, тоже уехали бы, а выпускают только евреев. Поняла?

С О Н Е Ч К А. Я про это мало знаю, Витя. Но я думаю, что, если б нас меньше ненавидели, так и не уезжали бы!

ВИТЯ. Да ладно, брось ты! Меня эта тема вообще не интересует, я же тебе сразу сказал, мне все равно.

СОНЕЧКА. Я пошла, Вить.

ВИТЯ. Куда ты?

СОНЕЧКА. Я пошла. Меня тошнит.

ВИТЯ. Сонь, что с тобой? Тебе плохо?

СОНЕЧКА. Да. Плохо. Уходи, Витя.

ВИТЯ. Как – уходи?

С О Н Е Ч К А. Так – уходи и больше не приходи.

ВИТЯ. Да ты что, обалдела, Сонька?

СОНЕЧКА. Уходи!

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

ВИТЯ. Смотри, я уйду! Ты пожалеешь! (Пауза.) Я ведь могу и уйти! (Стоит на месте.) Тебе же хуже будет!

СОНЕЧКА. Уходи! (Убегает.)

Картина пятнадцатая
Квартира Эсфири Львовны. У нее сидит Елизавета Яковлевна.

ЭСФИРЬ. Да ты понимаешь, Лиза, что ты говоришь?

ЕЛИЗАВЕТА. Понимаю.

ЭСФИРЬ. Да этого не может быть!

ЕЛИЗАВЕТА. Раз я это говорю, Фира, значит, это именно так. Вот в этом я как раз понимаю.

ЭСФИРЬ. Глупости! Просто девочка у меня поправилась. Она была такая худенькая, просто недокормленная! Конечно, ты же понимаешь, как они жили! Просто в нищете! Она ухаживала за мамой и вся растаяла. Ты думаешь, это просто – потерять маму, да еще в таком возрасте!

ЕЛИЗАВЕТА. Беременность десять недель.

ЭСФИРЬ. Какие десять недель? Не смеди меня!

ЕЛИЗАВЕТА. Я водила ее к себе в роддом, к нашему главному врачу, он сказал, что все в полном порядке, срок десять-одиннадцать недель.

ЭСФИРЬ. Господи! Да откуда? У нее же никого не было! Что ты мне сказки рассказываешь? Тоже мне, дева Мария!

ЕЛИЗАВЕТА. Было, не было – это как раз не наше дело.

ЭСФИРЬ. Да кто же это? Кто этот мужик?

ЕЛИЗАВЕТА. Ее одноклассник бывший.

ЭСФИРЬ. Как, этот солдатик?

Елизавета кивает.

Да он же совершенный балбес! Что он может ей дать? Нет, нет, не может этого быть!

ЕЛИЗАВЕТА. Сонечка тоже считала, что этого не может быть. Она болела, у нее была температура...

ЭСФИРЬ. А-а! Он ее изнасиловал!

ЕЛИЗАВЕТА (машет рукой). Да что ты, что ты! Он не такой большой специалист в этом вопросе. Я думаю, что он в этом деле понимает ненамного больше ее.

ЭСФИРЬ. Слушай, Лиза, он приходил к нам с месяц, что ли, назад, и они игрались в детский конструктор. Я достала Левин конструктор с антресолей, хотела отдать соседскому мальчику, и они целый вечер в него игрались... Не может быть! Что же теперь делать?

ЕЛИЗАВЕТА. Я водила ее к главврачу... и договорилась, она будет у нас рожать, и я сама приму роды. Все будет в порядке.

ЭСФИРЬ (качается на стуле из стороны в сторону, обхватив голову руками). Но почему, почему она мне сама не сказала?

ЕЛИЗАВЕТА. Скажет. Сегодня скажет. Но пусть она сначала скажет этому... кавалеру...

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ЭСФИРЬ. Кавалеру... да... Что я тебе скажу, Лиза? Я думала, что все будет не так. Но хорошо, пусть будет так! У нас родится мальчик, и мы назовем его Вениамином.

ЕЛИЗАВЕТА. А если родится девочка?

ЭСФИРЬ. Глупости! В нашей семье первенцы всегда были мальчики!

Входит Сонечка, заплаканная. Эсфирь Львовна встречает ее долгим взглядом.

Сонечка, доченька, подойди ко мне!

Сонечка подходит.

СОНЕЧКА, как же тебе не стыдно? Почему ты так долго молчала? Почему ты ничего не сказала маме? Как же так можно? В твоём положении нужно хорошее питание, доченька! (Целует ее, плачет, сдерживается, дальше сквозь слезы.) И творог! И фрукты! И витамины!

Слышен свист из окна.

И мы назовем его Вениамином!

СОНЕЧКА. Я думала, что вы...

ЭСФИРЬ. Мало ли что ты думала! Я столько всего передумала, что моя голова стала как гнилой орех. Ты приведи своего солдата, я хочу с ним получше познакомиться.

СОНЕЧКА (качает головой). Нет, в этот дом я его никогда не приведу.

ЭСФИРЬ. А почему? Чем наш дом для него нехорош? Что ты молчишь?

СОНЕЧКА. Я не могу этого сказать. Не хочу этого сказать.

Свист. Елизавета Яковлевна подходит к окну.

ЭСФИРЬ. Очень интересно. Наш дом ему не подходит. Наш еврейский дом ему не подходит. Правильно я поняла?

СОНЕЧКА. Нет, он другое говорил.

ЭСФИРЬ. Я же вижу, Лиза, он полный балбес! Что, Сонечка, он не хочет на тебе жениться?

СОНЕЧКА. Я не хочу. Я совсем не хочу выходить за него замуж.

ЭСФИРЬ (очень мягко). Сонечка! Не хочешь, и не надо! И даже лучше! Мы сами вырастим нашего мальчика!

Снова с улицы слышен свист.

ЕЛИЗАВЕТА. Соня, там на улице твой солдат тебя свистит.

СОНЕЧКА. Я слышу. Я не пойду.

Пауза.

ЭСФИРЬ. Ой, я не знаю. С другой стороны, мальчику нужен папа. Ой, как нужен. Ты пойди и приведи его. Поживет, и увидим. И потом: он ужасно шмыгает носом. Ему нужно купить носовые платки. Недавно я видела в Марьинском Мосторге очень хорошие. Индийские. Соня, почему ты молчишь? Лиза, почему ты молчишь?

ЗАНАВЕС
1988

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskaya@ludmila.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

Мой внук Вениамин. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya.ludmila.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!